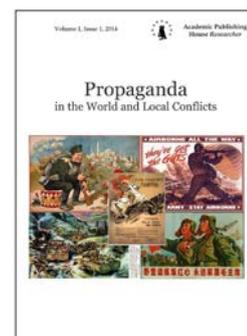

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Propaganda in the World and Local Conflicts
Has been issued since 2014.
ISSN 2500-1078, E-ISSN 2500-3712
Vol. 4, Is. 2, pp. 56-64, 2015

DOI: 10.13187/pwlc.2015.4.56
www.ejournal47.com

Articles and Statements

UDC 355.4

Fighting and Propaganda Activities on the Eastern Front in 1941–1942

Anvar M. Mamadaliev ^{a, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The article discusses the military operations and propaganda activities on the Eastern front of World War II in 1941-1942.

The authors used the materials of personal origin of combatants, as well as researches associated with military operations and the influence of propaganda activities in the initial period of war on the Eastern front.

The methodological basis of the study were the principles of objectivity and historicism, suggesting an unbiased approach to the analysis of the studied problems, a critical attitude to the sources, the judgments in the analysis of the totality of the facts and the screening phenomena in the development and the context of the historical situation.

The author concludes that in the initial period of war on the Eastern front (1941-1942) propaganda was used extensively the results of military operations. In 1941 and 1942, the Red army suffered the several major defeats, this fact immediately used by the German propaganda organization. Only repressive measures helped the Eastern front of Red army to hold under these conditions.

Keywords: propaganda, World War II, the methods of german propaganda, the Eastern front, 1941-1942.

1. Введение

В истории много примеров пропагандистского использования локальных поражений противника в агитационных целях, не является исключением из правил и Вторая мировая война. В данной статье мы бы хотели рассмотреть проведение пропагандистских мероприятий в ходе сражений начального этапа войны на Восточном фронте.

2. Материалы и методы

2.1. В работе использованы материалы личного происхождения участников боевых действий, а также научные исследования, связанные с армейскими операциями и влиянием на них пропагандистских мероприятий в начальный период войны на Восточном фронте.

2.2. Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем,

---

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

3. Результаты и обсуждение

Общеизвестно, что начальный период войны привел Красную армию к целому ряду крупных поражений. Немецкий ученый К. Штрайт в своем исследовании о советских военнопленных, на страницах «Военного вестника», отмечал, что в районе Белостока – Минска в 1941 г. было окружено более 323 тыс. советских воинов. В городе Умани взято в плен 103 тыс., под Смоленском – Рославлем 348 тыс., под Вязьмой – Брянском 662 тыс. человек (Андронников, 1992: 11). Штрайт указывает места окружения, в которые попадали: только общевойсковая армия или группа армий; корпуса и дивизии же погибали и сдавались без счета. К концу августа 1941 г. советские войска понесли потери: ранеными, убитыми и попавшими в плен около миллиона человек; было захвачено или уничтожено 7 тыс. танков и более 6 тыс. орудий, в то время как потери германской армии составили менее 100 тыс. человек (Эти потери советские войска понесли в ходе Минской, Белостокской и Смоленской наступательных операций Вермахта) (Митчем, 1998: 211).

Все эти сведения о потерях РККА распространялись немецкой пропагандой на территории Европы и оккупированных территориях СССР. Вполне понятно, что советская пропаганда обязана была ответить на немецкие выпады и к 8 декабря 1942 г. в СССР было объявлено, что потери немецких войск на Восточном фронте составляют убитыми, ранеными и пленными более 8 млн солдат и офицеров (Толстой, 1944: 27). Иными словами, по мнению Ставки РККА, среднестатистические потери немецких войск за каждый месяц войны составляли чуть менее 500 тысяч человек. Позднее в период после Курской битвы Ставка обнародовала еще одну цифру немецких потерь с 5 июля по 5 ноября 1943 г., которая составляла 2 млн 700 тыс. человек («Правда», 1943). То есть в среднем более 680 тыс. человек в месяц. Однако вернемся к событиям на фронте и попытаемся глазами очевидца рассмотреть эпизод одного из самых крупных поражений РККА – под Вязьмой.

Незадолго до начала Великой отечественной войны, в Вермахте были разработаны регламентирующие документы, по содержанию советских военнопленных. Так, например, в инструкции немецкой 8-й пехотной дивизии от 20 июня 1941 г. говорилось, что с целью снабжения пленных следует оставлять им захваченные средства обеспечения: кухни, продовольственные повозки, санитарное имущество. Кормить пленных надо только картофелем или хлебом (На самом деле, рацион был несколько разнообразней см. ниже – Авт.). Также отмечалось, что воинская часть должна стремиться к тому, что бы как можно дольше снабжать пленных местными продуктами питания (Скрытая правда, 1992: 326).

Другой бывший военнопленный Савелий Муляр вспоминает о тяжелом положении пленных советских солдат в немецких концентрационных лагерях: *«Идем к воротам. Возле мешков с гречихой стоят два немца. Один из них, офицер, довольно разборчиво говорит по-русски. Показывая на мешок гречихи, офицер объясняет: “Сегодня гречиха – завтра хлеб и сало. Хлеб и сало должны привезти из Германии, потому, что здесь Сталин все уничтожил»* (Муляр, 1991: 115).

На проблеме продовольственного обеспечения военнопленных необходимо остановиться более подробно. В разных армиях и армейских группах это обеспечение было разным, так как оно определялось: первое – количеством военнопленных; второе – наличием продовольствия, в том числе захваченного; третье – командующими. Тяжелейшие ситуации повсеместно происходили, когда в плен брались сто и более тысячные группировки РККА. Часто случалось, что пленным приходилось передвигаться на сотни километров до концлагерей в условиях, когда их крайне редко, и что самое главное – малокалорийно кормили, в результате чего имела место достаточно высокая смертность иногда до 1 % в день. Известны случаи, что вместо 3 тыс. калорий в день, как положено для нормального жизнеобеспечения взрослого человека, пленным выдавалось по 700 калорий (Штрайт: 1992: 52), подобное питание в течение нескольких недель приводило к летальному исходу военнопленного. Однако подобные нормы были не везде, например, 11-я армия

Манштейна выдавала своим военнопленным в неделю: до 300 грамм мяса, 3 килограмма хлеба, 300 грамм бобов и 100 грамм мармелада, этот рацион несколько увеличивался в период интенсивных работ, и еще больше увеличивался во время восьми часовых маршей, иными словами доходил до 2 035 калорий.

6 августа 1941 г. военно-административное управление сухопутных сил издало распоряжение о нормах калорийности питания советских военнопленных. В качестве обоснования этого документа указывалось, что ввиду того, что СССР не присоединился к Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. об обращении с военнопленными, то и Германия не несет обязательств обеспечивать советских военнопленных в полной мере, как предусматривалось конвенцией. По этому нормы рациона были утверждены следующие: для военнопленных не работающих – 2 040 калорий, а для работающих – 2 200 калорий. Однако, 21 октября несмотря на заявки инстанций по делам военнопленных об увеличении рациона питания, рацион был резко снижен для неработающих до 1 490 калорий ([Штрайт: 1992: 53](#)). Это и определило массовую смертность среди этой категории зимой 1941–1942 гг.

Это достаточно ясно показывает положение немецкой армии в августе 1941 г. Далее было хуже, к ноябрю 1941 г. на голодном пайке находились не только военнопленные, но и немецкие подразделения. По данным разведсводки № 27 НКВД Западного фронта от 23 ноября 1941 г. немецкие солдаты на Можайском направлении получали на обед по 300 граммов хлеба и кружке сладкой воды. Подобный рацион питания заставлял немецких солдат искать самим дополнительные продукты. Так, например, на окрестных совхозных и колхозных полях, имел место факт сбора и поедания обмороженной капусты ([Скрытая правда, 1992: 324-325](#)). Общеизвестными в СССР стали слова немецких военнослужащих входящих в какой-нибудь деревенский дом или хату со стандартной фразой: «Матка яйки?!». Однако вернемся к боевым действиям.

В первые месяцы войны на советско-германском фронте творилось что-то невообразимое, в советского солдата стреляли и свои, и чужие. Это подтверждает документ, аналогами которого забрасывали комиссары и командиры дивизий, корпусов и фронтов вышестоящие штабы. Так, начальник Главного Управления политпропаганды Юго-Западного фронта, 17 июля 1941 г. докладывал о большом количестве дезертиров. По его данным только в одном 6-м стрелковом корпусе за первые 10 дней войны было задержано и возвращено на фронт 5 тыс. человек. В целом за указанный период заградотрядами было задержано около 54 тыс. военнослужащих, из них несколько сотен по приговорам Военного трибунала фронта были приговорены к расстрелу ([Скрытая правда, 1992: 305](#)).

И это всего за три недели войны, а вот другая статистика о тех, кто сдался в плен. По данным Германского командования Сухопутными войсками с июня 1941 по февраль 1945 г. в немецком плену пребывало 5 734 528 советских солдат и офицеров ([Семиряга, 1995: 20](#); [Соколов, 2000: 261](#)). Только за период с 22 июня 1941 г. по 31 января 1942 г. по статистике Вермахта, из плена было освобождено 280 108 человек. Из них – 270 095 украинцев ([Кудряшов, 1993: 88](#)). Согласно данным германского командования, по состоянию на 1 мая 1944 г. немецкие власти освободили 823 230 советских военнопленных, причем все они были зачислены в формирующиеся воинские части ([Решин, 1994: 158](#)). Всего же в годы ВОВ свыше 1 млн военнопленных перешли из концлагерей на добровольную немецкую службу ([Политическая история, 1996: 644](#)). Со временем для управления советскими добровольцами при штабе Вермахта была введена должность генерала восточных войск, которую в 1944 г. занял один из лучших специалистов по Советской союзу Оскар фон Нидермайер (Находясь на разведывательной работе в СССР с 1921 г. Нидермайер был сторонником формирования из советских граждан и военнопленных армейских частей. – Авт.).

Особое внимание, в ходе войны, немецкое командование уделяло пропаганде. Первые пропагандистские роты были сформированы в ходе оккупации Судетской области в октябре 1938 г. К 22 июня 1941 г. в 7 армиях и 4 танковых группах имелось в общей сложности 11 пропагандистских рот, общей численностью 2 244 человека ([Кирхнер, 1996: 63](#)). Которые, особенно в первый период войны, проявили себя очень эффективно. Работой солдат и офицеров армейских рот пропаганды являлось методическое воздействие на военнослужащих Красной армии с целью склонить их прекратить сопротивление и сдаться в плен. Это достигалось путем радиопередач, объявлений через мегафонные устройства и,

конечно же, листовок. Листовкам была отведена самая большая роль, они изготавливались миллионными тиражами, разбрасывались с самолетов, распространялись с помощью диверсантов и местных жителей (рис. 1).

Рис. 1. Немецкая листовка «Переходите к нам!»

Большинство печатной продукции армейских пропагандистов не отличалось изысканностью содержания, однако это происходило не из-за идейной отсталости отдела пропаганды. Пропагандисты опирались на Директиву верховного командования Вермахта, в которой излагались основные принципы пропагандистского воздействия на противника. В данном документе отмечалось, что во фронтовой пропаганде бесполезно использовать сложные, запутанные, искусственно построенные тексты. Чем проще, яснее, естественнее содержание, тем выше его эффективность. Это объяснялось тем, что человек больше всего подвержен эмоциональному воздействию, поэтому значительно эффективнее обращаться к его чувствам, а не к разуму (Крысько, 1999: 356-357). Что касается мегафонных – звуковещательных устройств, то необходимо отметить, что дикторами их, как правило, были советские военнопленные или девушки из числа местного населения. Эти две категории, по мнению немецких специалистов, наиболее благоприятно воспринимались на слух, бойцами и командирами РККА.

Приведем лишь один показательный пример, в ночь на 16 сентября 1942 г. на линии фронта под Сталинградом, взводный командир 112-й стрелковой дивизии обнаружил отсутствие на боевых постах пятерых солдат. Спустя два часа с немецкой стороны началось звуковещание, в котором предлагалось бойцам бежать из Красной Армии, при этом многие солдаты советского взвода были названы по именам. Не успел взводный опомниться, как еще несколько человек бросились к нейтральной полосе, а к утру выяснилось, что ночью из взвода дезертировала третья часть личного состава, десять человек, среди которых был и сержант (Бивор, 1999: 153). Статистики о перебежавших красноармейцах в первый год боевых действий не существуют. Но в последующие периоды она была (по немецким данным) такова: вторая половина 1942 г. – 61 тыс. человек, 1943 г. – 24 тыс. человек, за

первые три месяца 1944 г. – 2,2 тыс. человек, по 1945 г. общих данных нет, но известно, что в марте на Одерском фронте к немцам перебежали 18 красноармейцев (Семиряга, 2000: 454).

Продолжая рассматривать приказы ГКО военной поры необходимо, отметить и тот факт, что спустя год после приказа № 270, в РККА был введен более жесткий приказ № 227. Смысл приказа был предельно прост, не допустить отступления частей РККА с фронта путем задержки их специальными заградительными отрядами. Между тем введение в жизнь приказа № 227 не остановило отступление частей РККА с фронта, и привело к ряду отрицательных моментов. Так, например, вместо разумной организации маневренной обороны, присущей современной войне, фактически в ряде мест вводились заградительные отряды. Генерал Г.И. Кулик* вспоминал, как в октябре 1941 г. он «ловил бегущих по городу и сажал в оборону». На основе приказа № 270 производились «расстрелы без суда и следствия»; возникла привычка ряда командиров чуть ли не по всякому поводу хвататься за пистолет. Жестокость не давала желаемых результатов, она лишь обрекала армию на самые упрощенные действия. На Керченском полуострове крайне неграмотно повел себя Мехлис. Он запретил рыть окопы, что бы не подрывать наступательный дух красноармейцев, несмотря на то, что позади было море (Мерцалов, 1998: 361).

Подобное отношение начальника Главного управления политической пропаганды к красноармейцам проявлялось и ранее – во время советско-финляндской войны. Ветераны «зимней кампании» вспоминали такой случай, когда прибывший на передовую Мехлис предъявил командиру части претензии по поводу медленного наступления на финнов и дабы показать как надо воевать потребовал роту которую сам и повел. В результате, через полчаса командиру пришлось вводить в бой еще два батальона, чтобы спасти Мехлиса и остатки роты (Советско-финская война, 1999: 76). Этот факт лишний раз свидетельствует о персоналиях советского верховного командования. В значительной мере отсюда и большие потери, однако, вернемся к операции на Керченском полуострове.

Военно-исторический журнал дополняет, что Крымская наступательная операция советских войск началась 27 февраля 1942 г., но прорвать оборону противника и открыть себе дорогу в Крым войска не смогли. И это, несмотря на то, что они имели подавляющее превосходство над врагом (13 советских дивизий против 3 немецких). Причинами провала наступления являлись не проведенная своевременно разведка системы обороны противника, плохая организация артиллерийского обеспечения наступления, не отлаженное взаимодействие родов войск и авиации.

В этой связи представляют интерес заметки военного корреспондента К. Симонова, который так рассказал о третьем дне наступления в полосе 51-й армии: *«Все завязло в грязи, танки не шли, пушки застряли где-то сзади, машины тоже, снаряды подносили на руках. Людей на передовой было бессмысленно много. Ни раньше, ни позже я не видел такого большого количества людей, убитых не в бою, не в атаке, а при систематических артналетах, на каждом десятке метров обязательно находился подвергавшийся этой опасности человек. Люди топтались и не знали, что делать. Кругом не было ни окопов, ни щелей, ничего. Все происходило на голом, грязном, абсолютно открытом со всех сторон поле. Трупы утопали в грязи, и смерть здесь, на этом поле, почему-то казалось особенно ужасной».*

Последующие попытки войск Крымского фронта вести наступление как одновременно во всей полосе, так и на отдельных направлениях успехом так же не увенчались. Продвижение войск было ничтожным, цена – невероятно высокой. За февраль – апрель потери только в людях составили 226 370 человек (Невзоров, 1992: 33).

О судьбе советских военнослужащих попавших в плен в ходе наступательной операции на Крымском полуострове вспоминает командующий 11-й немецкой армии генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн: *«Несмотря на трудности со снабжением, армия прилагала все усилия – вплоть до снижения довольствия своих войск – для того, чтобы хотя как-нибудь обеспечить пищей многочисленных пленных, которых нельзя было отправить в тыл из-за недостатка транспорта. В результате среднегодовая*

---

* Кулик Г.И. – вскоре получивший звание маршала. За провал Керченской операции в 1942 году был снят с должности заместителя наркома обороны СССР, его лишили звания Героя Советского Союза, всех воинских наград и разжаловали до звания генерал-майора.

смертность среди них не достигала и двух процентов, цифра, которая представляется очень низкой, если учесть, что, значительная часть пленным попадала в наши руки тяжело ранеными или в совершенно изможденном состоянии (Манштейн, 1999: 242). Доказательством того, что мы хорошо обращались с пленными, было их собственное поведение во время высадки советского десанта под Феодосией в 1942 году. Там находился лагерь, в котором было около 8 тыс. пленным, охрана которых бежала. Однако эти 8 тыс. человек отнюдь не бросились в объятия своим «освободителям», а, наоборот отправились маршем без охраны в направлении на Симферополь, то есть к нам» (Манштейн, 1999: 261).

Будет несправедливо не отметить, что такое гуманное отношение к военнопленным было далеко не во всех концентрационных лагерях Вермахта. Понять, что вынудило бывших солдат советской власти перейти в другой лагерь для военнопленных вполне по-человечески можно, так как в рядах «родной» армии их ничего хорошего уже не ожидало. Интересен и другой случай, который описывает не немецкий, а советский генерал, генерал-лейтенант в отставке Малашенко. В 1941 г. он командовал отрядом армейской разведки, действующей в тылу немецких войск, и как-то, уничтожив охрану, освободил группу советских военнопленных, работавших на дороге, но военнопленные за отрядом следовать, не торопились, а многие и вовсе разбежались (Малашенко, 1995: 75).

После провала Керченской оборонительной операции Красную Армию постигло очередное поражение, связанное с обороной Кавказа. Генерал-лейтенант в отставке Ковалев И.М. бывший в ту пору командиром 71-го стрелкового полка 30-й Иркутской дивизии, вспоминает: «Советские полки и дивизии были в этих боях на Кубани совершенно беззащитны как на земле, так и с воздуха. В полках, например, 30-й Иркутской дивизии кроме винтовок, небольшого количества ручных гранат, да нескольких бутылок с горючей смесью, ничего не было. Наша 45-мм противотанковая пушка могла поражать танки врага только по корме, т. к. снаряды ее рикошетировали, противотанковых средств совсем не было. Зная об этой нашей немоци, гитлеровцы буквально издевались над нами, самолеты непрерывно летали над нашими головами и безжалостно расстреливали нас, а танкисты шли на нас как на параде с открытыми люками. Это было не сражение, не война, а самое настоящее побоище, сравнимое лишь с тем, когда здоровый верзила избивает малыша. Немудрено, что противник сметал танково-авиационным тараном все на своем пути и захватил с ходу 9 августа Майкоп, а 12 августа Армавир, станицу Белореченскую и после ожесточенного боя в течение недели (5–12 августа) столицу края – Краснодар» (АОАГС. Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 101. Л. 6). По мнению генерал-лейтенанта И.М. Ковалева потери РККА в битве за Кавказ составляли примерно 8–10 человек к одному немцу (АОАГС. Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 101. Л. 1).

В это время жестокость в РККА стала проявляться в самых различных формах. Все чаще неотъемлемой частью командира становились такие символы власти, как палка или плеть. Одним из первых в советской мемуарной литературе Н.С. Хрущев откровенно показал, что в те годы в Красной армии довольно широко распространялось избиение командующими или командирами своих подчиненных. «Набить морду!» – так требовал Сталин. Так поступали Буденный, Еременко, и многие другие известные генералы (Мерцалов, 1998: 361).

Об истинном положении дел в рядах Советской армии были осведомлены и союзные Советскому Союзу государства. В телеграмме государственному секретарю США от поверенного в делах Соединенных Штатов в СССР Л. Гендерсона, находившегося в Куйбышеве, от 17 октября 1942 г. отмечалось, что наблюдается ослабление морального духа среди боевых частей, пребывающих из зоны боевых действий. Солдаты открыто жаловались на плохое питание, медицинское обслуживание, командование и постоянно сравнивали себя с солдатами германской армии на Восточном фронте, получающим вдоволь пищи и заботы. Офицеры более осторожно жаловались на плохую организацию снабжения, на несовершенство и перебои в работе служб связи в боевых условиях, на видимое безразличие советского Верховного командования к огромным людским потерям, а также на использование войск НКВД для пресечения попыток отступления в бою (Один офицер с горечью рассказывал, как на Керченском полуострове два батальона пехоты были буквально

скошены войсками НКВД) и на отсутствие оперативной помощи раненым, из-за чего очень велика смертность от гангрены (Россия, 1995: 135).

4. Заключение

В начальный период войны на Восточном фронте (1941–1942 гг.) в пропагандистских акциях активно использовались результаты военных операций. В 1941 и 1942 годах Красную армию постиг целый ряд крупных поражений, это обстоятельство сразу же использовали немецкие пропагандистские организации. Удержать в этих условиях Восточный фронт Красной армии помогли только репрессивные мероприятия.

Литература

- Андронников, 1992 – Андронников В. Ради победы // *Военный вестник*. 1992. № 5-6.
 АОАГС – Архивный отдел администрации города Сочи.
 Бивор, 1999 – Бивор Э. Сталинград. Смоленск, 1999.
 Кирхнер, 1996 – Кирхнер К. Военные листовки // *Родина*. 1996. № 5.
 Крысько, 1999 – Крысько В.Г. Секреты психологической войны / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск, 1999.
 Кудряшов, 1993 – Кудряшов С.В. Предатели, «освободители» или жертвы войны // *Свободная мысль*. 1993. № 14.
 Малашенко, 1995 – Малашенко Е.И. Я в разведке с сорок первого... // *Военно-исторический журнал*. 1995. № 3.
 Манштейн, 1999 – Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999.
 Меллентин, 1999 – Меллентин Ф. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, 1999.
 Мерцалов, 1998 – Мерцалов А.Н. Сталинизм и война. М., 1998.
 Митчем, 1998 – Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998.
 Муляр, 1991 – Муляр С. Плен // *Подвиг*. 1991. № 38.
 Невзоров, 1992 – Невзоров Б.И. Май 1942-го: Ак-Моная, Еникале // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 8.
 Политическая история, 1996 – Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2 т. Т. 2. М., 1996.
 «Правда», 1943 – Газета «Правда» от 5 ноября 1943 года № 273 (9409).
 Решин, 1994 – Решин Л.Е. Коллаборационисты и жертвы режима // *Знамя*. 1994. № 8.
 Россия, 1995 – Россия, которую мы не знали, 1939-1993 / Под ред. М.Е. Главацкого. Челябинск, 1995.
 Семиряга, 1995 – Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // *Вопросы истории*. 1995. № 4.
 Семиряга, 2000 – Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
 Скрытая правда, 1992 – Скрытая правда войны: 1941 год / Сост. П.Н. Кнышевский. М., 1992.
 Советско-финская война, 1999 – Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А.Е. Тарас. Минск, 1999.
 Соколов, 2000 – Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ратуши в зеркале эпохи. Минск, 2000.
 Толстой, 1944 – Толстой А. Статьи (1942–1943). М., 1944.
 Штрайт, 1992 – Штрайт К. Они нам не товарищи // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 8.

References

- Andronnikov, 1992 – Andronnikov V. Radi pobedy [For victory] // *Voennyi vestnik*. 1992. № 5-6.
 AOAGS – Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi [Archival Department of Sochi administration].
 Bivor, 1999 – Bivor E. Stalingrad. Smolensk, 1999.
 Kirchner, 1996 – Kirchner K. Voennye listovki [Military flyers] // *Rodina*. 1996. № 5.

- Krys'ko, 1999** – *Krys'ko V.G. Sekrety psikhologicheskoi voiny* [Secrets of psychological war] / Pod obshch. red. A.E. Tarasa. Minsk, 1999.
- Kudryashov, 1993** – *Kudryashov S.V. Predateli, «osvoboditeli» ili zhertvy voiny* [Traitors, "liberators" or victims of war] // *Svobodnaya mysl'*. 1993. № 14.
- Malashenko, 1995** – *Malashenko E.I. Ya v razvedke s sorok pervogo...* [I have been in intelligence from the forty-first...] // *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 1995. № 3.
- Manshtein, 1999** – *Manshtein E. Uteryannye pobedy* [Lost victories]. M., 1999.
- Mellentin, 1999** – *Mellentin F. Bronirovannyi kulak vermakhta* [The armoured fist of the Wehrmacht]. Smolensk, 1999.
- Mertsalov, 1998** – *Mertsalov A.N. Stalinizm i voina* [Stalinism and the war]. M., 1998.
- Mitchem, 1998** – *Mitchem S. Fel'dmarshaly Gitlera i ikh bitvy* [Hitler's field marshals and their battles]. Smolensk, 1998.
- Mulyar, 1991** – *Mulyar S. Plen* [Captivity] // *Podvig*. 1991. № 38.
- Nevzorov, 1992** – *Nevzorov B.I. Mai 1942-go: Ak-Monai, Enikale* [May 1942: AK-Monay, Yenikale] // *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 1992. № 8.
- Politicheskaya istoriya, 1996** – *Politicheskaya istoriya: Rossiya – SSSR – Rossiiskaya Federatsiya* [Political history: Russia – USSR – Russian Federation]. V 2 t. T. 2. M., 1996.
- «Pravda», 1943** – *Gazeta «Pravda» ot 5 noyabrya 1943 goda № 273 (9409)* [The Newspaper "Pravda" dated November 5, 1943 No. 273 (9409)].
- Reshin, 1994** – *Reshin L.E. Kollaboratsionisty i zhertvy rezhima* [Collaborators and victims of the regime] // *Znanya*. 1994. № 8.
- Rossiya, 1995** – *Rossiya, kotoruyu my ne znali, 1939-1993* [Russia, which we did not know, 1939-1993] / Pod red. M.E. Glavatskogo. Chelyabinsk, 1995.
- Semiryaga, 1995** – *Semiryaga M.I. Sud'by sovetskikh voennoplennykh* [The fates of the Soviet prisoners] // *Voprosy istorii*. 1995. № 4.
- Semiryaga, 2000** – *Semiryaga M.I. Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. M., 2000.
- Skrytaya pravda, 1992** – *Skrytaya pravda voiny: 1941 god* [The hidden truth of war: 1941] / Sost. P.N. Knyshevskii. M., 1992.
- Sovetsko-finskaya voina, 1999** – *Sovetsko-finskaya voina 1939–1940 gg.* [The Soviet-Finnish war of 1939-1940] Khrestomatiya / Red.-sost. A.E. Taras. Minsk, 1999.
- Sokolov, 2000** – *Sokolov B. Neizvestnyi Zhukov: portret bez ratushi v zerkale epokhi* [The unknown Zhukov: portrait without hall in the mirror of the times]. Minsk, 2000.
- Tolstoi, 1944** – *Tolstoi A. Stat'i (1942–1943)* [Articles (1942-1943)]. M., 1944.
- Shtrait, 1992** – *Shtrait K. Oni nam ne tovarishchi* [They are not our comrades] // *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 1992. № 8.

УДК 355.4

Сражения и пропагандистские мероприятия на Восточном фронте в 1941–1942 гг.

Анвар Мирзахматович Мамадалиев^{а, *}

^а Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются военные операции и пропагандистские мероприятия на Восточном фронте Второй мировой войны в 1941–1942 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

В работе использованы материалы личного происхождения участников боевых действий, а также научные исследования, связанные с армейскими операциями и влиянием на них пропагандистских мероприятий в начальный период войны на Восточном фронте.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

В заключении автор отмечает, что в начальный период войны на Восточном фронте (1941–1942 гг.) в пропагандистских акциях активно использовались результаты военных операций. В 1941 и 1942 годах Красную армию постиг целый ряд крупных поражений, это обстоятельство сразу же использовали немецкие пропагандистские организации. Удержать в этих условиях Восточный фронт Красной армии помогли только репрессивные мероприятия.

Ключевые слова: пропаганда, Вторая мировая война, методы немецкой пропаганды, Восточный фронт, 1941–1942 гг.